

*Cart G. v.
27.*

ОТВѢТЪ

НА

ЛИФЛЯНДСКІЙ ОТВѢТЪ

Г. ШИРРЕНА.

VERLAG VON B. BEHR'S BUCHHANDLUNG
(E. BOCK)
BERLIN, Unter den Linden 27.

942

Было время, оно еще очень свежо въ нашей памяти, когда не только всѣ аптеки, но всѣ важнѣйшія мѣста и государственныя должности въ россійской имперіи были заняты нѣмцами. Такъ, при Николаѣ, изъ тринадцати корпусныхъ командировъ одинъ (Набоковъ) былъ русскій, одинъ — сомнительно-русскій — в. к. Михайлъ Павловичъ, остальные одиннадцать были нѣмцы несомнѣнные. Такое видимое предпочтеніе нѣмцамъ, заслуженное или незаслуженное ими, конечно не могло русскимъ нравиться, но, тѣмъ не менѣе, нѣмцы представлялись имъ не иначе, какъ силой, которая умѣетъ проложить себѣ дорогу, можетъ пробить стѣну, подняться на высоту и на высотѣ держаться. Неуважать ихъ русскіе не могли и частенько завидовали ихъ умѣнью, терпѣнью, выдержкѣ и солидарности между собой. Скоро однако, скорѣе, нежели можно было бы предположить, сила эта оказалась оптическимъ обманомъ. Что за мощь, которая въ одно мгновеніе разлетѣлась въ дребезги, какъ только въ Москвѣ появилось два, три уличныхъ крикуна, лъстящихъ инстинктамъ своей расы, вышедшихъ на проповѣдь безъ широкой мысли, безъ великой идеи, не понимающихъ ничего выше полицейскаго государства? Нѣмцы вдругъ исчезли, сгнули, какъ будто провалились сквозь землю. Тѣ, которые еще остались въ рядахъ русскаго чиновничества, стараются держать себя тише воды и ниже травы; новаго прилива германскаго элемента въ Россію уже нѣтъ. Остзейцы сдв-

лись безъ всякой борьбы, испугавшись однихъ угрозъ Каткова. Не ясно ли изъ этого, что они и прежде держались не своею доблестью, не своимъ умѣньемъ, но что кто-то ихъ подталкивалъ и выводилъ въ люди? Кто же этотъ закулисный?

Пожалуй, есть между ними герои, но очень немногіе и это самые жалкіе изъ нихъ, старающіеся отписываться отъ москвичей, поставившіе себѣ долгомъ объяснить и доказать *что-то* Катковымъ и Самаринымъ, но *что* доказать, они и сами не знаютъ и вмѣсто того, чтобы защитить, они только пуще выдаютъ себя. Никто не явилъ намъ остзейскую немощь въ такой ученой полнотѣ, какъ Ширренъ.

Профессоръ университета пишетъ цѣлую толстую книжку съ цѣлюю убѣдить г. Самарина въ чемъ же? Въ томъ, что русское правительство должно бы уважать остзейское право! — Не наивно ли? А остальные остзейцы, успѣвшіе выбраться за границу, или спрятавшіеся въ своихъ норкахъ, аплодируютъ оттуда своему борцу и думаютъ, что онъ уже побѣдилъ, разбилъ и что сей часъ крѣпость московская сдастся имъ на капитуляцію и вынесетъ ключи!

Потрудитесь, г. Профессоръ, вникнуть въ слѣдующій силлогизмъ:

- a) Абсолютная монархія (наша самодержавная) основана на непризнаніи правъ человѣческихъ, это для нея *conditio sine qua non*.
- b) Самодержавіе, по словамъ Самарина «намъ еще нужно» и *вы это ему уступаете*.
- c) Ergo: намъ еще нужно не признавать правъ человѣческихъ, стало быть и остзейскихъ.

Этотъ силлогизмъ гораздо правильнѣе вашего, который можно выразить такъ: Мы, остзейцы, *признаемъ* ваше самодержавіе, но уважьте наши остзейскія права. Другими словами: сдѣлайте для насъ исключенье.

На какомъ же это основаніи? За что же давать вамъ еще и эту привилегію? Правительство наше въ

грязь топтало всё конституціи, имъ же самимъ дарованныя Польшѣ, оно на другой же день постаралось нарушить всё договоры свои съ козачествомъ. И тамъ и сямъ оно поступало совершенно правильно, т. е. согласно съ своею природой и своими принципами. Самодержавіе не стѣсняется договорами, не стѣсняется ничѣмъ, — на то оно и самодержавіе. Его можно силою принудить къ исполненію обѣщаній и клятвъ, но только. Иногда оно обращается съ людьми довольно ласково, такъ, не въ примѣръ другимъ, оно очень долго ласкало васъ, остзейцевъ, но это не въ силу правъ вашихъ, а въ силу своего каприза.

Еслибъ вы говорили, что не хорошо быть капризнымъ, самодержавнымъ, что Россія погибнетъ или можетъ погибнуть отъ самодержавія вообще, то мы бы, пожалуй, съ вами согласились; но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы для Россіи было особенно, по преимуществу вредно самодержавіе, обрушившееся на остзейскій край!

Когда намъ приходила охота кого нибудь душить, вы, нѣмцы всегда были тутъ и намъ помогали усердно, въ Малороссіи, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Польшѣ, даже въ Австріи, о самой Россіи уже и говорить нечего. Теперь, услуга за услугу, — мы вамъ хотимъ помочь — задушить самихъ васъ.

Съ кѣмъ договаривались дѣды и прадѣды ваши? Съ неограниченною властью съ *произволомъ*; итакъ ваши привилегіи не имѣютъ никакой силы. Совѣтуемъ вамъ сжечь негодную бумагу, ибо самодержавіе упраздняетъ старыя и создаетъ новыя законы всегда по своему вдохновенью. Если вы не понимаете такихъ простыхъ вещей, то это не дѣлаетъ чести вашему просвѣщенью, которымъ вы такъ гордитесь. Если же понимаете и понимали всегда, то зачѣмъ же шли на сдѣлку съ самодержавіемъ и *не только признавали его, но служили ему и даже постоянно хвалились тѣмъ, что служите не русскому народу, но русскому царю?* Идите

же теперь къ нему съ жалобой: онъ вашъ баринъ; но русскихъ людей трогать не можете, русскихъ вы всегда презирали какъ только могли.

Что вы противъ русскаго народа безсильны, — это вы могли понимать и прежде; но теперь вы должны сознать, что противъ него — и неправы. Молчите же!

Да и къ царю не ходите напрасно: онъ объявилъ себя русскимъ человѣкомъ, т. е. презираемымъ вами, онъ васъ не послушаетъ.

Дѣло ваше выходитъ — дрянн, его вамъ выиграть нельзя путемъ той законности, о которой вы толкуете. Ищите другихъ путей. По моему разумѣнію ихъ два, смотря по тому, чѣмъ вы еще хотите быть въ Россіи, между нами: сильными людьми или правыми людьми. Выбирайте сами.

Если желаете силы, то, хоть для виду, хвалите всеъ теперешнія распоряженія высшихъ властей; соглашайтесь, что русскій языкъ вамъ необходимъ, что въ немъ вся ваша надежда на цивилизацію, просите присылки къ вамъ русскихъ учителей, которыхъ вамъ не дадутъ, ибо ихъ и въ Россіи нѣтъ. Превозносите православіе. Оставаясь протестантами, громко высказывайте упованье, что авось благодать Божія когда нибудь обратитъ всехъ васъ къ истинному исповѣданью. Идите на все, всему поддавайтесь: чѣмъ болѣе выкажете усердія, тѣмъ легче вамъ будетъ избѣжать реформъ. Самодержавіе очень взыскательно, но угодить ему не трудно, оно готово все принимать за чистую монету и форму всегда предпочитаетъ содержанію. Старайтесь помириться съ московскою партіей, не бойтесь ея: она желаетъ всехъ русить, это правда, но вѣдь для этаго ей нужна дѣйствительная сила, нужна своя цивилизація, а такъ какъ ихъ у ней нѣтъ, то, подставляя Каткову лбы свои, вы только приготовите ему торжественныя fiasco. Наконецъ, еслибъ кое какія московскія реформы, коснувшись остзейскихъ провинцій, и попортили бы нѣсколько ваши домашнія дѣлишки, то,

находясь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми, вы всегда могли бы поправиться на службѣ престолу, которую оставлять я вамъ отнюдь не совѣтую. Все это не можетъ вамъ казаться трудно, подобная практика для васъ не новость, очень многіе изъ васъ подвизались въ ней довольно успѣшно во всѣ времена. Теперь васъ смутило и сбило съ толку то обстоятельство, что центръ русской государственной жизни, ни съ того, ни съ сего, передвинулся изъ очень знакомаго вамъ Питера въ менѣе знакомую Москву и вы еще не успѣли изучить всѣхъ ея переулковъ и закоулковъ. Но не смущайтесь такимъ вздоромъ; перемѣщеніе столицы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянья на нашъ государственный принципъ, онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ — самодержавіемъ, съ которымъ вы всегда не только ладили, но и обращались довольно фамильярно.

Если же хотите быть между нами правыми, то скорѣй сходите съ остзейской точки зрѣнья, съ вашихъ привилегій и становитесь на точку зрѣнія человѣческую. Служите тому народу, съ которымъ васъ судьба связала, а не самодержавной власти. Заботьтесь о нашей народной свободѣ и о просвѣщеніи нашемъ какъ о вашемъ собственномъ благѣ. По крайней мѣрѣ не мѣшайте имъ, своею службою престолу не усиливайте лежащаго на насъ гнета самодержавія. Въ свободѣ нашей непременно найдется мѣстечко и для вашей остзейской, климатически, этнографически, соціально обособленной. Если желаете, чтобы мы, русскіе, уважали ваши человѣческія права, то уважьте и наши человѣческія права, которыя точно также попораны, какъ ваши и тою же властью попораны. Взгляните на крупный фактъ въ нашей жизни, фактъ, котораго скрыть уже нельзя, я разумѣю эмансипацію крестьянъ. Крестьянинъ *самъ выкупаетъ себя* изъ неволи, послѣ долгаго и несправедливо наложеннаго на него рабства *покупаетъ свою свободу, себя*. Не значитъ ли это, что правительство не признаетъ въ русскомъ человѣкѣ *врожденнаго*

ему права на свободу? Если же не признаетъ оно чело-
вѣческаго права для собственнаго народа, то какъ же
вы хотите, чтобы оно уважало нѣмецкое, или какое
нибудь остзейское право? Вѣдь это не логично. Оно
готово цѣлый польскій народъ смести съ лица земли,
а вы воображаете остановить его листкомъ старой бу-
маги; оно самодержавно, а вы ему говорите: не тронь,
не смѣй, а впрочемъ будь самодержавно!

Отстаивая ваши остзейскія права, вы отстаиваете
привилегіи; это значитъ, что не хотите свободы, ибо
принципъ свободы не вяжется съ принципомъ приви-
легій. Конечно всякая страна должна имѣть свои за-
коны, но особенность законовъ еще не есть привилегія.
Страны, находящіяся въ иныхъ условіяхъ чѣмъ ваша,
можетъ быть и не захотятъ *вашихъ* особенныхъ зако-
новъ, но привилегіямъ вашимъ всегда позавидуютъ и
найдутъ ихъ несправедливостью. Если же вы скажете,
что, не желая привилегій, хотите имѣть оригинальное,
мѣстное, свое законодательство, то должны знать, что
такое можетъ родиться только изъ одной свободы. Сво-
бода же ваша не мыслима безъ свободы русскаго на-
рода, ergo Хотя я очень мало надѣюсь на вашу
логику, но тутъ предоставляю вамъ самимъ вывести
заключенье.

Мы виноваты передъ вами только въ томъ, что когда-
то привели васъ въ подденство нашему государству.
Можетъ быть, что вамъ это и не очень пріятно, но
все же вы тутъ не можете видѣть для себя личной
обиды съ нашей стороны. Вы же виноваты передъ
нами тѣмъ, что никогда не хотѣли признать насъ *людьми*
и стояли среди насъ какъ наемники нашего царя, го-
товые давить, тѣснить, ссылатъ, вѣшать насъ по его
прихоти. Мало того, что всегда это такъ было, но и
теперь въ вашихъ оправданьяхъ, словесныхъ и печат-
ныхъ, вы постоянно съ гордостью указываете на ха-
рактеръ вашей службы въ русскомъ царствѣ, на ваше
бронство въ Россіи. Наивность вапа въ этомъ слу-

чаѣ только доказываетъ, что вамъ и въ голову не приходитъ посмотрѣть на насъ иначе, какъ на жалкое племя, надъ которымъ вы призваны господствовать по вашему произволу.

Вы вѣчно разсуждали такъ: *русскіе сами себя не шадятъ, сами себя бьютъ, другъ на друга доносятъ, другъ друга предательствуютъ, грабятъ, кабалютъ, — отчего же намъ, тѣмцамъ, не бить, не предавать, не ругать, не кабалить ихъ, не поступать съ ними также, какъ они сами съ собой поступаютъ?*

Отчего! Да оттого именно, что вы нѣмцы. Вамъ не могутъ быть понятны всѣ тайные мотивы и пружины нашего народнаго организма, вынуждающіе насъ, русскихъ, жить, дѣйствовать, обращаться другъ съ другомъ такъ, а не иначе. Развитіе наше совершенно эсобенное и не похоже на развитіе западныхъ народовъ, исторія наша — своя и общественная наша наука имѣетъ свои начала, вамъ мало извѣстныя. Вы насъ такъ мало знаете, что намъ всегда до слезъ смѣшно слушать, когда вы, разсуждая о насъ, желаете кому нибудь дать понятіе о Россіи. Но какъ же, не зная ея, вмѣшиваться въ ея исторію, да еще вмѣшиваться съ цѣлью управлять ею съ министерскихъ кресель? И мало ли обидъ, которыя мы можемъ снести другъ отъ друга, но не захотимъ переносить отъ чужихъ? Сдѣлайтесь вполне русскими по языку, преданіямъ, привычкамъ, по міросозерцанью, если это возможно, и тогда милости просимъ въ нашъ хаосъ. Но куда вы нѣмцы, то берегите вашу западную цивилизацію, оставайтесь вѣрными ей и не марайте ее русскимъ жандармскимъ мундиромъ.

Не уважая наше народное, вы точно также мало уважаете и ваше западное просвѣщеніе и слишкомъ охотно промѣниваете его на русскій чинъ или на тепленькое мѣстечко хотя бы въ третьемъ отдѣленіи. Вотъ фактъ, который повторялся и повторяется надъ каждымъ изъ васъ: куда нѣмецъ живетъ въ остзей-

скомъ краю, онъ ведетъ себя прилично, по человѣчески, сдерживаемый общественнымъ мнѣнiемъ остзейскаго рыцарства; какъ только онъ становится русскимъ чиновникомъ и вѣзжаетъ въ Россiю, онъ уже не узнаваемъ, онъ взяточникъ изъ взяточниковъ, крѣпостникъ изъ крѣпостниковъ, деспотъ изъ деспотовъ. Въ Россiи онъ считаетъ себѣ все дозволеннымъ, русскiй народъ обязанъ отъ него сносить все возможное и невозможное; по его мнѣнiю Россiя — мѣсто для его дебоша. Возвратившись домой, нѣмецъ снова становится человѣкомъ. Положимъ, господа, что мы васъ развращаемъ въ Россiи, что нашъ примѣръ такъ дурно дѣйствуетъ на вашу нравственность, но отчего же, скажите, вы съ такой изумительной быстротой и съ рѣдкимъ мастерствомъ умѣете перенимать отъ насъ все наше дурное, а теперь, когда мы предлагаемъ вамъ то, что считаемъ у себя хорошимъ, когда, на примѣръ, нашъ филологъ Катковъ передаетъ вамъ русскую рѣчь на искаженье, а нашъ апостель Самаринъ не щадитъ для васъ даже «царской вѣры», — вы отбиваетесь отъ нихъ и ногами и руками? Вы любили въ русскихъ саночкахъ кататься, любите же и саночки возить. Москвичи къ вамъ справедливы: ни Самаринъ, ни Катковъ не желаютъ наложить на васъ тяжесть, вами не заслуженную, но несутъ вамъ плоды вашихъ же трудовъ и заслугъ. Вы поживаете въ Россiи то, что сами сѣяли. Назовите мнѣ хоть одного остзейца, который бы, не говорю пострадалъ за русскую свободу, но хоть бы объ ней заикнулся. Бироны, Минихи, Остерманны, Клейнмихеми, Шварцы, Бенкендорфы, Дуббельты, Толли, Берги, Адлерберги, Кауфманны, Безаки, Палены, Роты, Пилеры, Герстенцвейги, Сиверсы, Штрадтманны, Мёрдеры, Медемы, Овандеры, Дризены, Штакельберги, Тизенгаузены, Ганы, Людерсы, Гюльденштуббе, Клюке и пр., и пр., и пр. Что всѣ эти имена представляютъ въ Россiи: западную цивилизацію или монгольское самоуправство? — Какъ смѣшно васъ слушать, господа,

когда вы восторгаетесь строгимъ соблюденіемъ законности въ Пруссіи, а въ Россіи сами стараетесь о произволѣ! Онъ теперь и мететъ ваши провинціи; зловои́е, которому вы у насъ такъ усердно помогали, дошло наконецъ и до Риги, — это естественно. Ньюхайте же!

Если Самарины и Катковы къ кому нибудь не правы, то это только къ одному русскому народу, котораго они, точь въ точь какъ вы, желаютъ продержатъ *еще* (имъ не довольно!) подъ гнетомъ самодержавія. Они добились наконецъ чести, такъ давно ими желанной, попасть въ нѣмцы. Пристыдите же ихъ, сдѣлайтесь вы русскими, не по языку или по вѣрѣ, но по любви къ государственной и церковной свободѣ, которая всегда была дорога нашему народу и которая нынче громко стучится къ намъ въ двери. Катковъ и Самаринъ не слышать этаго стука потому, что они оглушены, — одинъ русскими, другой божественными глаголами. А васъ кто оглушилъ?

Катковъ предлагалъ вамъ русскую рѣчь, вы отвернулись; Самаринъ — православный катехизисъ, вы отреклись. Я предлагаю русскую свободу Ну чтожь, берете? Эй, господа, не отказывайтесь, худо будетъ вамъ безъ нея!

Разница между вами и москвичами заключается въ томъ, что они желаютъ самодержавія на все русское царство безъ исключенія, а вы — за исключеніемъ балтійскихъ провинцій. Разница, стало быть не въ принципѣ, а только въ географическомъ распредѣленіи богатства.

Если вы въ заправду думаете, что мы *culturunfähig*, то потеряете еще не много: мы скоро сгніемъ. Народъ, который въ нашъ вѣкъ не летитъ къ просвѣщенію на всѣхъ парахъ, долженъ умереть очень быстро и тогда наша смерть развяжетъ вамъ руки. Если же мы *culturfähig*, то не мѣшайте намъ, не путайте нашей жизни вашимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ, не усложняйте намъ работу, служа тѣмъ принципамъ,

50

которые насъ и васъ давятъ. Ваше биронство намъ становить преграды на пути къ освобожденью, а васъ губить оно окончательно. Мы переживемъ нашихъ нѣмецкихъ министровъ, уже переживаемъ, какъ видите сами; но вамъ не одобровать и не вынести ударовъ московскаго самодержавія. Чего не смогли сдѣлать съ остзейскимъ краемъ ни Польша, ни Швеція, то сдѣлаетъ Москва, — сдѣлаетъ съ вашею же помощью, которой не имѣли ни Польша, ни Швеція. Г. Ширренъ забыть это важнѣйшее обстоятельство. Да, ваши сыны, а наши военачальники и безотвѣтственные министры не оставляютъ и юты изъ всѣхъ многотомныхъ остзейскихъ статутовъ. Нѣмцевъ выгонетъ изъ Риги ихъ собственная безграничная преданность русскому престолу, ихъ извѣстная лояльность!

Вотъ, господа, куда можетъ привести васъ — карьера въ Россіи, ваша любимая и едва-ли не единственная мечта!

Но самое смѣшное въ нѣмецкихъ оправданьяхъ это то, что нѣмцы утверждаютъ, будто бы русское самодержавіе очень легко можетъ мирно ужиться съ остзейскими привилегіями! — Въ такомъ случаѣ почему бы ему не ужиться рядомъ съ запорожскою сѣчей, съ новгородскою республикой, съ польскою конституціей? Стоило бы только назвать ихъ не сѣчей, не вѣчемъ, не конституціей, а просто привилегіями. Это дѣйствительно возможно, но тогда всѣ русскіе разбѣжались бы, кто къ козакамъ, кто въ полякамъ, въ Новгородъ, въ Ригу, а въ Москвѣ остался бы одинъ царь, вполнѣ самодержавный, но безъ подданныхъ. Или надо было бы сдѣлать такъ, чтобы русскіе не смѣли убѣгать изъ предѣловъ московскаго царства, а Рига не принимала бы къ себѣ бѣглецевъ О, какъ Рига была бы довольна такой привилегіей!

Какое Рига пошлое мѣсто! Точно Москва!